

ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Сухов Фёдор Григорьевич (1922–1992)

Очерк

Снежная зима, сугробы на главной улице города. Вижу вдалеке знакомую невысокую худощавую фигуру – ни с кем не спутаешь: поношенный овчинный тулуп, уютные подшитые валенки, в одной руке – самодельный посох, в другой – стопка книг. Идёт себе как-то поперёк улицы, радостно улыбается каждому встречному. Не часто приезжал Фёдор Григорьевич в город из родного села, где обосновался – купил небольшой домик и насадил яблоневый сад. Каждая наша встреча – незабываемое путешествие по городу. Однажды отправились к музею “Домик Каширина”, где, как известно, в семье деда прошли детские годы Алёши Пешкова – великого писателя Максима Горького.

Привелось, оказывается, и Ф. Г. Сухову одно время ночевать в этом доме. А получилось так. Опубликовала областная газета “Горьковская коммуна” в первые послевоенные годы стихи бывшего боевого офицера-артиллериста, колхозника Фёдора Сухова. Николай Алексеевич Барсуков заведовал тогда отделом культуры в газете и всех начинающих писателей, в том числе сельских поэтов, знал в лицо, время от времени собирал в газете. Писательская организация находилась в небольшой комнате напротив редакции. Здесь рядом с сейфом (сохранился до наших дней) восседала бессменная секретарша союза писателей Надежда Михайловна Харлова. Надежда Михайловна рассказала как-то, что были времена, когда месяцами никто из писателей не объявлялся, а она всё равно приходила и садилась на свой стул около сейфа, в котором хранились личные дела писателей и прочее. Зарплату ей, надо заметить, исправно платили в райкоме партии. Писательские ряды некогда многочисленной краевой организации были усечены разделением Нижегородского края на области и автономии, войной, репрессиями. Добровольцем ушёл на фронт руководитель союза писателей А. М. Муратов и погиб при обороне Севастополя, десятилетнюю ссылку отбывал ведущий нижегородский

КАЛИНИНА Людмила Фёдоровна родилась в посёлке Керженец Горьковской (Нижегородской) области. Окончила историко-филологический факультет Горьковского университета и Высшие литературные курсы, а также аспирантуру в Литературном институте. Автор ряда сборников стихов и очерковых публикаций. Работает главным редактором газеты “Нижегородский университет”. Живёт в Нижнем Новгороде.

писатель Н. И. Кочин. Закончилась война, и в писательские ряды стали вливаться новые силы.

Молодой поэт Фёдор Сухов, видимо, не без помощи Н. А. Барсукова, с трудом выхлопотал паспорт (это было для колхозника делом непростым) и стал заведующим передвижной библиотекой. Подружился с добрейшим Михаилом Тимониным, он годом ранее приехал в город из Дивеевского района, и уже несколько подборок его стихов вышли в “Горьковской коммуне”. Помню, с каким упоением, прикрыв от удовольствия свои глубоко посаженные глаза, читал стихи М. Тимонина Фёдор Григорьевич: “Пробежал в серебряной рубашке // Шаловливым мальчиком ручей...”, – восхищался: “Какой образ, как точно передано чувство...”

Работал М. Тимонин сторожем в “Домике Каширина”, здесь, в подсобном помещении, и жил. Конечно, на это место он устроился по рекомендации Н. А. Барсукова, который сразу разглядел в нём человека талантливого, бездомного, к тому же слабого здоровьем. Получилось так, что на некоторое время “Домик Каширина” приютил и Ф. Сухова. По вечерам два молодых поэта читали друг другу вслух свои сочинения и стихи, взятые в библиотеке поэта Бориса Пильника: Фета, Клюева, Корнилова, Гумилёва... На вопрос, чем, кроме духовной пищи, они питались в ту пору, Фёдор Григорьевич не мог дать определённого ответа, видимо, кроме поэзии, его мало что интересовало. Топилась печь, кипел чайник, варилась картошка, был кусок хлеба – вот и хорошо. Непритязательность в быту у Фёдора Григорьевича оставалась всю жизнь.

Единственным внимательным и безмолвным зрителем и слушателем этих поэтических концертов был старый музейный кот, который, свернувшись калачиком, спал на музейном экспонате – кровати бабушки Алёши Пешкова, любил он и погреться на печке. Однажды М. Тимонин в поэтической рассеянности схватил кота вместо лежавшей рядом шапки. Ну, и шуму же было – люди в соседнем доме всполошились... Кот спрятался. Впрочем, этот случай с поэтом-сторожем оброс деталями, давно стал анекдотом и передаётся нижегородскими музейщиками из поколения в поколение.

Ф. Сухов мечтал получить в Литературный институт, но отправил рукопись с опозданием и получил вызов, когда экзамены уже заканчивались. В Союзе писателей – бывает же такое! – он встретился с Семёном Шуртаковым, тоже родом из Нижегородской области (с. Кузьминки Сергачского района), тогда студентом Литературного института. Ночным поездом вместе они отправились в Москву. Литинститут был недостижимой мечтой, и вдруг мечта эта стала сбываться. Ф. Сухов вспоминал: “Мне помог поступить в институт сам руководитель писательской организации страны Александр Фадеев. Учебный год начался, требовалось поручительство. Семён Шуртаков привёл меня в кабинет Фадеева. Удивительно, но он без всякой волокиты принял нас. Оглядел Фадеев меня с ног до головы, спросил, на каком фронте воевал, давно ли стихи пишу, и позвонил в институт, а ещё выписал материальную помощь... Глянул я на бумагу, а сумма такая, что стало страшно – столько корова в нашем селе тогда стоила. Семён помог мне приобрести – купили плащ, костюм, ботинки, – да ещё на жизнь деньги остались. Студенческий профсоюз подарил мне тёплый лыжный костюм. Так неожиданно-негаданно я стал студентом”.

Произведения Ф. Сухова – это взгляд на мир “очарованного странника”, по воле судьбы пустившего корни в большом волжском селе, откуда он, по сути, никогда не отлучался, только на войну уходил. Помню, рассказывал, как его, семилетнего, взяла мать в Нижний Новгород торговать яблоками. Отправились на барже, плыли всю ночь, а утром сквозь туманную дымку он увидел город-сказку с кремлём на склоне горы, сбегаящими к Волге, словно ручьи, улицами, монастырём у самой воды. А к вечеру уже затосковал по дому. В одном из лирических вступлений к сборнику своих стихов поэт восторженно повествует: “Какой простор! Какая размашистая красота! Сдержанная, неторопливая Волга, опирается она своим царственным коленом в крутой, кой-где пронизанный кленовой желтизной да рябиновой краснотой высокий берег... А на горе, похожей на перевернутую лодку, – мой Красный Оселок. Весь он в яблоневых садах...”

У него всегда была юношеская жажда заявить о себе, выступить со стихами перед публикой, напечататься – совсем не важно, обещан или нет гонопар. Московские редакторы, критики и литературоведы регулярно получали

письма от поэта из Красного Оселка с засохшими веточками полыни, цветами ромашки. В неизменном тулупе и валенках или дорожном плаще, за плечами – рюкзак с яблоками, в портфеле – стихи – таким он время от времени появлялся в редакциях столичных журналов. Однажды он приехал в журнал “Знамя”, узнав из газет, что главным редактором стал его однокурсник Григорий Бакланов. Занял очередь на приём и расположился в коридоре на подоконнике, угощая каждого встречного яблоками из рюкзака, восторженно нахваливая сорта. Конечно, слух о приехавшем из деревни поэте скоро дошёл и до главного редактора... Надо сказать, под настроение он любил прифасониться – щегольнуть добротным пальто, костюмом-тройкой, шляпой... И это ему очень шло.

Есенинское “я последний поэт деревни” – это и про Ф. Сухова. Помню, как-то разговорились мы с писателем М. Шевченко о его однокурснике: “Он пришёл на первый курс с уже сложившимся голосом, со своей интонацией, богатым словарём. Все понимали, что это поэт в своих стихах ...несёт опыт крестьянской жизни. Кто-то завидовал, а что завидовать: путь большого поэта – а Сухов поэт милостью Божьей! – это великие испытания. Тут уж что на роду написано”.

В Красном Оселке жили три семьи старообрядцев, и когда его будущий отец овдовел (лет ему около 30 и двое детей), то невесту “по вере” искал на левом, лесном керженском берегу, и нашёл в селе Великовском. Марии Ивановне было всего 16 лет, и пришлось ей нелегко в новой семье. Она очень любила своего первенца. Трогательное сыновнее сочувствие слышится в стихах поэта:

*В дом чужой, волнуясь и робея,
По зиме пожаловала ты,
Ничего на свете не имея,
Кроме кареглазой красоты...
По одной ходила половице,
Чашу горя выпила до дна,
В проруби хотела утопиться...*

О своём появлении на свет Ф. Сухов пишет с эпическим размахом:

*Был явлен я на свет в середине марта,
По-старому — в начальный день весны,
Когда Авдотья — Замочи Порог
На вытканые за зиму холсты
От полноты душевной прослезилась...*

Небольшой группой мы, помню, вместе с дочерью поэта – Еленой Фёдоровной – и другом – художником Юрием Дёминым – в день 60-летия поэта добрались до Красного Оселка. Фёдор Григорьевич отказался от шумных юбилейных торжеств в Нижнем Новгороде и ждал нас в гости. Шли по заснеженной тропе, по зыбкому мостку через речку Круголку. Вдруг откуда-то из-под мостка, казалось, из самой земной глубины, послышался живой, звонкий родниковый голос. Мы невольно задержали шаг, словно поэт радостно приветствовал нас голосом родной земли.

До войны Ф. Сухов окончил семилетку, учился в Лыскове на рабфаке, был страстным книголюбом районной библиотеки (сейчас библиотека носит его имя). После окончания Литературного института, получив диплом с отличием (один из русских выпускников, были ещё поляк, украинец), уезжает работать в Волгоград литературным сотрудником газеты “Сталинградская правда”. Большинство однокурсников его остались в Москве, заняв должности в издательствах и журналах. Это обстоятельство помогало Ф. Сухову смело стучаться в издательские двери.

Несколько лет он вёл литературное объединение на тракторном заводе. Под опекой Ф. Сухова выросли известный прозаик Борис Екимов, поэты Василий Макеев, Татьяна Батурина и другие. Редактирует сборники стихов местных авторов (например, первый сборник Михаила Танича). Почему Волгоград? “Потому что прошёл войну, ехал восстанавливать разрушенный войной город”. Небольшая зарплата, коммуналка, позднее – квартира в рабочем районе “Баррикады”, где он жил с женой Клавдией Ермолаевной и их четырь-

мя детьми-погодками (Алексея, Владимира и Ярослава уже нет в живых). В Волгограде прошли 20 лет, и каждое лето с детьми он отправлялся на парохоме в Красный Оселок. Потом – переезд в Нижний Новгород вместе с дочерью Еленой, она всегда была неразлучна с отцом. Жизненный круг замкнулся так, как хотелось, на родной земле.

Как бы далеко и надолго ни уезжал из родного села Ф. Сухов – путешествовать он любил! – всегда возвращался домой. Посетил Украину, Белоруссию, где с боями проходила его воинская часть, привёз из поездки наброски романа “Ивница”. Когда вышел правительственный Указ о бесплатном проезде фронтовиков в любой конец страны по железной дороге один раз в год, Фёдор Григорьевич использовал эту возможность. Однажды, было такое, спохватился в конце декабря, билеты только до Ужгорода – поехал туда. Бродил по улицам города с утра до вечера, в ночь обратным поездом – в Москву. Свои впечатления выразил так: “Трое суток в один конец, ну, и что? Какая ширь за окном, а попутчики какие хорошие, не заметил, как время и пролетело, так бы ехал и ехал...” Пускался в длительные путешествия вместе со своим неизменным спутником – дорожным посохом, побывал во многих городах, не задумываясь о гостинице, билетах и прочем. И всегда привозил новые впечатления, новые циклы стихов. “Захожу в гостиницу Бухары, вижу объявление: “Мест нет”, – говорю: “С Волги-матушки я, приехал посмотреть на вашу красоту, одну ночь где-нибудь в коридоре, в уголке, пересплю”, – и всегда какой-то диванчик и стакан горячего чая находились, нигде не отказывали”.

Мне приходилось встречать деревенских старожиллов-философов, к ним шли за советом, за сочувствием. Таким был и поэт Ф. Сухов, ведомый своей правотой, выверенной в годы грубого раскрестьянивания, военного лихолетья, послевоенной разрухи и нищеты деревни. Он не раз шёл поперёк общественного мнения, его поступки часто вызывали непонимание. Помню, как в писательской организации обсуждали его заявление о выходе из рядов КПСС (февраль 1988 года). Ну, и шуму было... Вот отрывки из писем, адресованных мне: “...Зачем разговоры, уговоры, я ведь не мальчик, и заявление моё о выходе обдуманно”, “...относительно моего заявления, предлагают, чтобы я приехал и выслушал членов бюро (Союза писателей). Не понимаю, зачем мне их выслушивать. Выйти из той или иной организации – это моё право...”

Кому-то из стариков стало на этом собрании плохо, кто-то призывал Ф. Сухова вспомнить, что он боевой офицер и в партию вступил на фронте. Он поручил дочери заранее заплатить партийные взносы, рассчитаться с долгом, а деньги пришлось отдать немалые. Вскоре начался обвальная выход из рядов КПСС, но это было потом.

Известие о выходе писателя из рядов КПСС долетело до Москвы. Приехала киногруппа режиссёра Антона Васильева с заданием Центрального телевидения сделать фильм об этом событии. В 1989 году на Первом канале вышел документальный фильм “Поднимаю глаза свои к небу...” Получился пронзительный рассказ о жизни села, падении нравов и долге писателя. Помню, как вместе с Ф. Суховым и А. Васильевым мы тогда ещё в г. Горьком бродили по волжскому берегу, спускались к Печерскому монастырю. Антон Васильев, сам интересный поэт, сын поэта Сергея Васильева, внимательно и почтительно ловил каждое слово Фёдора Григорьевича.

Свою правду поэт сверял с мнением односельчан: учителя, пастуха, вдовы. Вот присел на завалинку рядом со своими сверстниками, и полилась беседа... Вроде бы ничего не добавил, не поправил поэт, так органична его речь:

*А как тут не сетовать, ежели
Работать-то некому стало!
Все завами, замами сделались,
Все стали у нас комсоставом.*

*Канторы да учреждения,
Главсбыты везде да главснабы.
А где оно, это снабжение?
Одни только кабы да кабы...*

(“Ветераны”)

С явной иронией Ф. Сухов даёт портрет одного из таких завов, персонального пенсионера (“Благодетель”), “дачных куц володетеля”: при общении с ним

*Ледяной набегает холод
От стеклянного самомнения...*

Поэт и себя не идеализирует:

*Отходил, отступался от Бога,
Ну, а после прощенья просил...
Верю истинно, верю глубоко
В торжество неразгаданных сил...*

“Саратовские чернозёмы – это же богатство, там хлеба в урожайный год стеной стоят, сам видел, и вдруг – голод, мор, крестьяне семьями покидают дома, убегают, куда глаза глядят. Это следствие непонимания основ жизни, неправильной политики. Учёный ботаник Николай Вавилов не был политиком, он занимался сортами злаков, урожайностью, хотел весь мир, всех голодающих накормить хлебом. Арестован, бесславно погиб в лагере”. По следам реальных событий, памятных Ф. Сухову с детства, появляется стихотворение “Голодари”:

*...А родимая мать
Потеряла рассудок свой,
На чужой колотилась кровати
Неприкаянной головой.*

*Вдалеке от родного дома
Припадала к рудой сосне.
Боль Великого Перелома
И в моём колобродит сне.*

*Неутихим пугает криком
У каких-то железных дверей,
Сумасшедшим хохочет ликом
Умирающих голодарей.*

Небольшой купеческий особняк районного городка Лыскова отмечен скромной мемориальной доской с указанием, что здесь родился поэт Николай Глазков. Семья его переехала в Москву ещё в 1920-е годы, я не уверена, что Н. Глазков когда-нибудь сюда приезжал. Помню, к его юбилею в конце 1980-х вдова и сын покойного Н. Глазкова с группой поддержки приехали из Москвы и проявили бурную активность. В кинотеатрах г. Горького (Нижегород) шли фильмы с участием Н. Глазкова, в институтах – обсуждения его книг. Творческая группа отправилась в Лысково, состоялась встреча с лысковчанами, на которую был приглашён и Ф. Сухов. Кстати, ему больших литературных вечеров при жизни здесь, в районном центре, никто не устраивал. Как водится, дорогим гостям районное руководство организовало застолье. Многие из участников надолго запомнили выступление Ф. Сухова. Приехав из деревни, из самой гущи народных забот и тревог, он говорил о наболевшем, возможно, не к месту, но другого случая высказаться не предвиделось. Говорил о назревавшем всенародном возмущении безотрадной жизнью в деревне, о бесхозяйственности и, указывая на изобильный стол, напомнил о пустых прилавках магазинов. Застолье быстро свернули.

Встречи, беседы, путешествия в окрестностях Красного Оселка... Тропинки здесь то круто взбираются по косогору, то резко обрываются вниз. Неосторожный шаг – и тяжёлый глинистый ком с шумом летит с обрыва, и ты едва успеваешь удержаться за какой-нибудь куст, чтобы не рухнуть вниз. Как сейчас вижу впереди лёгкую на ногу сухощавую фигуру Фёдора Григорьевича, посох в его руке, выточенный из ветви яблони. Он, словно поводырь, уводит нас в мир природы, в стихию поэтических образов. Идёт своей быстрой,

уверенной походкой, как главный знаток, поверенный, смотритель, блюститель порядка в здешних всях. Каждый приехавший к поэту гость вслед за ним, едва поспевая, слотыкаясь с непривычки, первым делом совершал это путешествие – вслед за поэтом взбирался по косогорам, спускался к озёрам волжской поймы сквозь цепкие заросли шиповника. Да, не один каблук был сломан на этих косогорах...

И не один час провели мы в беседах в неприметном среди других, скромном сельском домике поэта, окружённом яблоневым садом. Каждый саженец он выбирал в Лысковском плодопитомнике, о сортах рассказывал дивные истории.

Редкостный дар – услышать в глухом, заросшем разнотравьем овраге родниковую жилу. Ценились среди сельчан такие знатоки – всего-то один-два человека на всю округу. Неспешно ступает искатель с посохом, остановится на склоне оврага, прислушается, спустится ниже, сорвёт травку, понюхает... Вот она, здесь таится живая сила воды! В движении к постижению словесных таинств Ф. Сухова, так мне кажется и сейчас, по истечении времени, неумолимо искал словесную родниковую жилу и в этом поиске никогда не уставал. Да что там говорить, великий знаток русского языка профессор Литературного института Реформатский высоко ценил его фольклорные познания.

Перечитывая записи бесед с ним, вижу, что Фёдор Григорьевич, к середине 80-х годов уже известный, почитаемый автор двадцати пяти книг стихов и поэм, повествования о войне, романа о коллективизации (его проза только сейчас начала издаваться), напряжённо работал над словом (здесь приводятся в основном высказывания Ф. Г. Сухова о поэзии из моих записей 1985–1986 годов).

Он не был сторонним наблюдателем; в стихах, статьях, в публицистических выступлениях обращал общественное внимание на беспорядок, бесхозяйственность, падение нравственности. Окружают Красный Оселок знаменитые на всю округу сады. Фёдор Григорьевич рассказывал не раз, как в былые времена единоличных хозяйств, вооружившись мотыгами, сельчане от мала до велика поднимались по глинистым склонам, высаживая фруктовые деревья и кусты. Гибель садов началась давно, со времён колхозного обобществления. Цветущий берег превратился в голый глинистый, осыпающийся откос: “Сады забыли. Стало выгоднее выращивать огурцы в теплицах. Это хорошо, только огурца в урожайный год у нас не выпросишь – всё на продажу. Трудятся в теплице родители, а молодёжь охватили тунеядство, пьянка. По-доброму, открыто жило село до войны”. Вспоминал Фёдор Григорьевич деда-старообрядца, отца, их великое трудолюбие, почтительное отношение ко всем от мала до велика, безграничную доброту, религиозность. Рассказывал об отце – колхозном кузнеце, великом труженике, у которого на руках

*Стеклали мозоли,
В горле сипли перепела...*

Сейчас здесь стало выгодно выращивать чеснок. А старые яблони не скупятся – по-прежнему одаривают плодами. Завет поэта Ф. Сухова и сегодня ко времени: “Надо беречь землю, почитать труд отцов”.

В ранней юности озарением были для Ф. Сухова стихи С. Есенина. Прочитал за одну ночь, переписал весь сборник в тетрадку, заучил наизусть: “Ударило в самое сердце сокровенное слово Есенина, и по сей день его стихи не отпускают, задевают за живое: “Режет серп тяжёлые колосья, // Как под горло режут лебедей...” Что главное в стихе? Народный язык, музыка, религиозность. Надо выдерживать свою эмоцию, а ещё – весомость строки. Тебе грустно – передай, весело – вырази. Разница между поэзией Есенина и Исаковского? Есенин себя выкладывал без остатка, Исаковский часто пишет за кого-то – за девушку, за солдата... Поэт ценен своей эмоцией. К примеру, доверчивая интонация и музыкальность Афанасия Фета создают и твой душевный настрой, это неподвластные времени стихи. Главное – воспитывать в себе доброту, честность, это выльется в стихах”. А. Фета высоко ценил почитаемый Ф. Суховым поэт Н. Клюев: “Кто Фета не чувствует да не любит, тот не поэт” (из записей Н. Клюева 1924–1925 годов).

Как начал сочинять, когда появились первые опыты? “Переписывал деревенские частушки, потом стал сам выдумывать”. Дочь поэта Елена Фёдоров-

на рассказывала, что тетрадки с этими первыми опытами хранились в Красном Оселке, в доме его матери Марии Ивановны (сейчас этот дом принадлежит дочери, он отмечен мемориальной доской), точнее, в старой кладовой, которая служила Фёдору Григорьевичу рабочим кабинетом, но сгорела и, видимо, тетрадки сгорели.

Толковый словарь Владимира Даля писатель Ф. Сухов всегда держал под рукой. И ещё романы П. И. Мельникова-Печерского. “Как родилось, говоришь, название моего сборника “Лешева дудка”? Конечно, услышано в детстве. Открываем словарь В. Даля. “Лешева дудка — одно из колен соловьиного свиста”, а этих колен и коленец — десятки, в словаре приводится только восемь, а я знаю больше десяти. Название книги — это объёмный образ. Например, моё название “Сладкая полынь”. Чтение классики для меня — радость, духовное обогащение. Кстати, почему-то у нас издают и изучают Аксакова гораздо больше, чем Мельникова-Печерского. Последний значительнее, интереснее в отношении языка, а какие потрясающие женские образы! Мельников-Печерский и Лесков органично впитали русский язык, Пушкин и Лев Толстой ему усердно всю жизнь учились. Время нашего великого земляка Мельникова-Печерского придёт”.

Первая книга стихов Ф. Г. Сухова — “Родные просторы” — вышла в 1954 году, когда автору было 32 года. Провинциальные издательства (Волгоград, Горький) выпускают скромные, малотиражные сборники (“Поспевают ягоды”, 1956; “Половодье”, 1958; “Дождь сквозь солнце”, 1961...) В 1957 году Ф. Сухов становится членом Союза писателей СССР. Только в середине 70-х годов в Москве начинают выходить его солидные сборники, большие журнальные подборки стихов, и Ф. Г. Сухов был отмечен литературной премией имени А. Фадеева (“Былина о неизвестном солдате”) как автор лучшего произведения о войне в стихах.

Поэт Ф. Сухов никогда не был лишь воздыхателем на лоне природы. Он и живописец, и заступник, и охранитель святынь, национальной первородности слова, самой стихии живописания словом. Как никто, он умел слышать музыку природы, превращая её в свои удивительные напевы, обогащая глубокой мыслью и душевной тонкостью. Его пейзажная лирика осязаема, вчитываясь, чувствуешь, как освещают округу “сияющие ландыши росы...”, как “мятно холодеют луговины...” и “начинает слышной сентябрь...”

Известный литературовед А. Михайлов точно отмечает суть его пейзажной лирики (статья-предисловие к сборнику стихов “Подзимь”, М., “Молодая гвардия”, 1985): “Если бы Сухов всегда и во всём не придерживался позиции, что поэт — голос природы, стихийное её выражение, очевидно, мы не имели бы сегодня такого замечательного явления поэзии, как его лирика”:

*Гляжу на зайца и — не нагляжусь,
А заяц — на меня не наглядится...
Есть в проявленье наших дум и чувств
Какое-то великое единство!
Единство есть в благоуханье рек,
Единые благоухают воды,
И заяц — он такой же человек,
Дитя единой матери-природы.*

(1978)

Откроем сборник С. Клычкова “Домашние песни” (1923), остановимся на стихотворении “В лесу на проталой полянке...”:

*И зайцы по-заячьи пели,
Водили за лапки зайчих...
И радостно сосны шумели,
И звёзды качались на них...
Всю ночь я бродил всё и слушал...
Ах, друг мой, открою тебе:
За бедную заячью душу
Я так благодарен судьбе!*

В стихах поэта другого поколения – Н. Рубцова – тоже с людьми соседствует богатый мир живой природы, чаще всего здесь встречаются ласточка, корова, коза, медведь, заяц. В стихотворении “Про зайца” (сравним с С. Клычковым и Ф. Суховым) говорится о незащищенности природы, *братьев наших меньших*, причём заяц у Н. Рубцова, совсем как человек, и “думает”, и “горестно вздыхает”:

*Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.*

Несомненно, пейзажная лирика – это одно из достоинств и отличительных черт русской поэзии, и в преемственности видится её жизнестойкость. Сам Фёдор Григорьевич так говорит о своей лирике: “Мои стихи, знаю, считаются чисто пейзажными. Не согласен. По своей сути, мои стихи социальны, но эта, для меня очевидная, социальность, видимо, не всегда доходит”.

Еженедельник “Литературная Россия” (1991) публикует слово Ф. Сухова (из выступления на Пленуме СП СССР) в защиту русского языка, которое вызвало бурную дискуссию. На эту тему он писал не однажды и в областных газетах. В поле его внимания были вопросы ответственности писателя, журналиста, актёра, диктора за своё слово, он говорил о засорённости, оскудении повседневной разговорной речи, надвигающейся англомании... Он часто повторял на писательских встречах и в своих статьях, нет, не просто говорил – бил тревогу: “Литература призвана охранять памятник – язык, потеря языковой культуры – это экологическая проблема”. Но одно дело – говорить, гораздо сложнее следовать сказанному. Поэт Ф. Сухов не отступал от своих убеждений и, участвуя в дискуссиях, как солдат, вескими аргументами держал оборону. В сборнике стихов “Сладкая полынь” (г. Горький, “Волго-Вятское книжное издательство”, 1978) есть восьмистрочное стихотворение очень глубокого, гражданского, величавого смысла:

*Верую: вовек не оскудеет
Та рука, что раннею весной
Освещает пасмурные дебри
Ландышевой влажной белизной.
Возвышает зябликовый голос,
К солнечным возносит небесам.
Соловьиное дарует горло
Всем обезголосевшим лесам.*

“Соловьиное горло” – ярче, точнее и не скажешь о поэте Ф. Сухове. Именно “верую” – так молитвенно, коленапреклонённо признаётся он в своей преданности Отечеству, родному слову, селу, природе.

В последние годы увидели свет несколько московских журнальных публикаций поэта, сборник стихов “Посох” (Нижний Новгород), книга для детей “Солнцеворот” (Нижний Новгород), два тома прозаического повествования о войне “Ивница” и объёмный сборник стихов “Вербное воскресенье” (Волгоград). Выход этих изданий, в первую очередь, – заслуга племянника поэта Григория Сухова, неустанного пропагандиста творчества Ф. Сухова. В Волгограде ежегодно лучшее литературное произведение года отмечается премией имени Ф. Г. Сухова (здесь, как и в Нижнем Новгороде, он воспитал немало талантливых учеников). Изданное за последние 20 лет, конечно же, недостаточно для памяти такой величины, как писатель, публицист, литературный наставник Ф. Сухов. К тому же, в архиве дочери – Е. Ф. Суховой – хранится немало неопубликованных произведений отца. К 90-летию Ф. Сухова в Красном Оселке в здании местной школы открылась музейная экспозиция, посвящённая жизни и творчеству писателя. Это осуществилось благодаря стараниям и жертвованиям его дочери и племянника. Школа, к сожалению, пустует, здесь некому учиться – нет детей в селе. У районного руководства пока нет чёткого представления о работе этого сельского музея, который вместе с селом, его людьми, окрестной природой является неисчерпаемым кладом духовности, обогащённой творчеством поэта-фронтовика Ф. Сухова.

Помню, как в рождественскую оттепель хоронили Ф. Сухова. По его желанию, упокоили его на всеми забытом старообрядческом кладбище рядом с дедом и бабушкой. Как зримо, с какой любовью показал писатель любимых своих стариков в рассказе “Рождественская звезда”. И после ухода поэт утверждает свои убеждения, привязанности, память о небольшой старообрядческой общине, с которой было связано его детство.

На высокой горе, под старыми развесистыми яблонями сегодня возвышается гранитный крест, несмотря на крутой спуск и густые заросли кустарника, от села к нему упрямо тянется тропинка. Всякий раз, когда я прихожу сюда, отдаю низкий поклон поэту Ф. Сухову, всей округе, взрастившей большого мастера слова. На память приходят наши встречи, беседы, его письма: “Эх, если б ты знала, как у нас поют соловьи! Можно всю ночь слушать и не сдвинуться с места, с каждого куста поют Шаляпин или Нежданова. Мне давно уже кажется, что стихи не должны писаться, поэзии нужен такой же голос, как соловью или иволге. Вот у этих особей нужно учиться искусству поэтического слова”.

В низине вокруг Красного Оселка широко разливаются озёра, развесистые кроны старых яблонь рассыпают птичьи трели. Природа даровала этим благословенным местам и своему поэту неповторимое “соловьиное горло”.